

УДК 165.022

М. М. Ведмедев

Сумский государственный педагогический
университет имени А. С. Макаренко**СПОНТАННОСТЬ ПОЗНАНИЯ И СИНЕРГЕТИКА**

В статье представлен опыт применения концептуального аппарата синергетики к осмыслению проблем эпистемологии. На этой основе предпринята новая интерпретация некоторых событий в истории науки. Дается критика попыток «преодоления» теории познания и отказа от анализа ее проблем. Проведено сопоставление исследовательских возможностей синергетики и других способов описания.

Ключевые слова: познание, неклассическая эпистемология, спонтанность, синергетика, когнитивный аттрактор.

Теория знания и познания (гносеология, эпистемология) сегодня переживает один из переломных моментов своей истории. Идет речь о таком коренном изменении ее основополагающих установок и роли, что нередко можно встретить мысль о ее упадке, «похоронах», замене другими философскими доктринами (Р. Рорти, С. Стич, П. Черчланд, П. С. Черчланд, Ч. Тейлор). И в отечественной литературе термин «эпистемологизм» также иногда употребляется в смысле неуместного в современных реалиях догматизма. И критика строится не на пустом месте, а ссылается на опыт исследования познания в рамках так называемых когнитивных наук [2].

Мы не являемся сторонниками подобного радикализма и поспешных терминологических новаций. Как критическая рефлексия относительно когнитивной активности человека теория познания и в современных условиях не теряет свою актуальность, хотя определенные ее установки и придется существенно пересматривать.

Одно из магистральных направлений такого переосмысления связано с использованием идей синергетики, философии нестабильности. Обусловлено это, в частности, тем вниманием, которое уделяется сегодня феномену спонтанности ментальных процессов. Познавательные процессы, которые традиционно изучались в рамках теории познания и методологии науки, открылись в своем новом измерении – в аспекте своей самоорганизации, произвольности, неуправляемости. Это обозначило отход от установок классической гносеологии, составлявшей органическую часть классической философии, связанной с классической наукой и предусматривавшей в качестве своих постулатов системность, иерархию, рациональность, в сторону неклассической эпистемологии, которой в определенной мере свойственно постмодернистское (антисистемное, хаотизированное) виденье познания. Предпринимаются попытки осмысления проблемы спонтанности ментальных явлений. Наиболее известной среди них, вероятно, является концепция В. В.

Налимова, в которой познание интерпретируется как вербализация смыслов, происходящая в соответствии с принципами теории вероятностей [3]. Теоретический аппарат синергетики представляется нам более подходящим для описания подобных явлений.

Синергетический подход позволяет осмыслить ряд явлений из истории науки (и истории самой эпистемологии), которые ранее не находили адекватной или достаточно обстоятельной интерпретации – недетерминистический характер эволюции знания, значение культурных архетипов в науке, роль дестабилизирующих факторов и флуктуаций в изменении парадигм, влияние коммуникативного действия на принятие определенных научных теорий, взаимодействие научного и вненаучного знания. Важно отметить, что распространение комплекса синергетических идей на проблемы познания не следует превращать в «навешивание» таких понятий, как хаос, аттрактор, неравновесие, бифуркация и тому подобное на разнообразные феномены. Аналитические возможности данного подхода могут быть обоснованы в том случае, если явления, обнаруженные в рамках других (не связанных с синергетикой) концепций, получают нетривиальную интерпретацию. Обратимся к некоторым примерам, которые, по нашему мнению, свидетельствуют о целесообразности и перспективности данного исследовательского намерения.

Р. М. Нугаев рассматривает известный в истории науки случай конкуренции релятивистской теории А. Эйнштейна с концепциями Г.-А. Лоренца и А. Пуанкаре. Сначала теория относительности «не предсказывала ничего нового по сравнению с соперницами и даже в течение года – с 1905 до 1906 г. – противоречила данным экспериментов Бухерера с отклонением катодных лучей в магнитных полях» [4, с. 121]. Но с самого начала она имела заметное преимущество над соперницами. В чем же именно? Исследователь опирается на положения теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Под этим углом зрения случай конфликта парадигм приобретает смысл диалогового взаимодействия, которое имеет целью согласование позиции, разных *эмпирических* и *теоретических практик*, взаимопонимание. Система диалогового взаимодействия имеет собственные закономерности протекания и собственные критерии относительно преимущества ее акторов. Программа А. Эйнштейна вытеснила конкурентов не только потому, что оказалась лучшей в эмпирическом отношении. Она превосходила соперниц также и потому, что составляла основу для широкого диалога, действительной коммуникации между представителями ведущих парадигм старой физики, которые до А. Эйнштейна находились в состоянии значительной психологической, институциональной и культурной изоляции. На основе коммуникативного подхода формулируется своеобразный критерий отбора: среди теоретических и эмпирических практик, которые постоянно рождаются и исчезают, лишь те способны выжить, которые могут *поддерживать и усиливать* друг друга. Это последнее замечание является принципиально

важным. Однако в теории коммуникативного действия отмеченный эффект не может получить достаточно обстоятельной интерпретации, поскольку во многом здесь не учитывается содержательная сторона данных практик. Этого можно достичь, если использовать представление И. Пригожина о науке как когерентной структуре познавательной деятельности, которая предусматривает подвижность границ как между разными отраслями самой науки, так и между знанием научным и вненаучным.

Другой случай касается определенных эпизодов из истории самой методологии. Траекторию интеллектуальных изменений в этой области ни в коем случае нельзя считать жестко детерминированной, такой, которая поддается априорному определению. Этот путь наполнен уникальными событиями. Мнение И. Пригожина относительно того, что новое виденье ведет к сближению типа деятельности ученого и деятеля искусства, до сих пор не нашло надлежащего понимания. Часто можно слышать, что если бы не было Й.С. Баха, мы бы не имели «Страстей по Матфею», а теория относительности рано или поздно была бы создана и без А. Эйнштейна [5, с. 379]. Таким образом, считается, что развитие науки является детерминистическим в отличие от непредсказуемой истории искусств. У А. Эйнштейна в письме к Швитцеру есть известное замечание относительно того, что западная наука имеет в своей основе два великих достижения: изобретение греческими философами формальных логических систем (Эвклидова геометрия) и открытия возможности путем систематического экспериментирования устанавливать каузальные связи (эпоха Возрождения). При этом он добавляет, что не следует удивляться тому, что китайские мудрецы не сделали этих открытий. Следует удивляться тому, что они *вообще были сделаны*. Экспериментальный метод действительно был открытием, которое нельзя переоценить. Но утверждать при этом что-то наподобие того, что Г. Галилей отбросил схоластику и начал экспериментировать, значит не сказать ничего. Речь идет о возникновении идеи диалогового взаимодействия с природой. А это означает появление незнакомого до этого времени познавательного паттерна и схемы действий, которые обеспечивали новый «режим истины». Интеллект, трансформируясь, оказался в сфере влияния определенного аттрактора, что и повлекло появление отмеченных структур. Что это был за аттрактор и не следует ли связывать его с действием подсознательных архетипов? Есть разные мысли относительно факторов возникновения экспериментальной науки. Наиболее убедительной нам представляется точка зрения М. Фуко.

В истории европейской мысли философ выделяет три основополагающих политико-юридических матрицы, которые возникают на базе соответствующих социальных структур и определяют когнитивную институционализацию исследовательской деятельности. Это – «мера» или «измерение», «опрос» или «дознание», «осмотр» или «обследование». Первая послужила основой для организации когнитивной практики во времена античности, вторая – в конце

Средневековья и в начале Нового времени, третья – в XVIII-XIX ст. В основе матрицы «опрос-дознание» лежат процедуры, которые использовались в процессе юридического разбирательства. Их целью было получение сведений о действиях определенных лиц. Будучи сформированным, данный комплекс процедур появился как юридически-политическая матрица экспериментального познания, которое было деблокировано в конце Средневековья. Для М. Фуко речь идет не просто об отдаленных аналогиях между нормами юридической техники и методами эмпирического и тем более экспериментального исследования природы, как оно было организовано в галилеевской физике. Он считает, что методики добычи знания о естественных телах возникли путем их уподобления матрицам добычи знания о человеческих телах и душах, которые были разработаны в средневековых институтах с их инквизиционным дознанием [6, с. 330]. Другими словами, метод добычи знаний из сознания человека переносился на способ добычи знания о природе из природы. Уподобление заключалось в следующем. Юридическая матрица располагала участников в определенную диспозицию. Одни играли роль судей, вторые – ответчиков, третьи – свидетелей и так далее. Действия в ходе рассмотрения происходили по определенным правилам, четко определялись роли и прерогативы позиций. Цель – определить истину относительно поведения или события. При исследовании природы роли исполняют не столько люди, сколько механические устройства и приборы – весы, оптика, измерительные аппараты, реактивы. Приборы можно не без оснований уподобить свидетелям, которые что-то говорят о событиях. Они подтверждают или опровергают то, что допускается относительно вещей (очевидно – «подсудимых», «ответчиков»), которые подлежат экспериментальному исследованию. Судьей, в конечном счете, является сам экспериментатор: он выносит окончательный вердикт, что и раскрывает истину относительно вещей, вовлеченных в эксперимент [1, с.119–120].

«Опрос» как юридическая процедура имеет целью добычу знаний жестко определенным способом. Сетка вопросов набрасывается на сырой материал действительности и добывается результат-истина, «факт». Опрос получил свое развитие в адвокатуре и позволял адвокату путем организованного, методического выслушивания ответов лиц установить надежность и точность приведенных «фактов». Цель заключалась в том, чтобы представить более достоверную картину событий чем та, которая выдвигается обвинением. Дознание как настойчивый поиск подтвержденной или засвидетельствованной истины поразительно отличалось от давних процедур присяги, ордалии, судебного поединка, Божьего суда. Этот момент имел большое когнитивное значение: «опрос» выступал от имени истины, и знание, которое базировалось на этой матрице, предстало с XIV столетия как альтернатива знанию, которое опиралось на авторитет традиции, на вербально-символические рассуждения.

Анализ одного этого примера из истории интеллектуальных изменений свидетельствует, что понимание когнитивных матриц исключительно как

архетипов сознания (по Юнгу) было бы ограниченным. Для того чтобы выделить описанную выше матрицу-аттрактор не следует прибегать к психологическим методам: это дело истории познания и социологии науки. Необходимо подчеркнуть и еще одну особенность. Матрицы-аттракторы познавательной деятельности, как правило, возникают вне пределов той сферы когнитивной активности, где они впоследствии находят свое использование. В данном случае шла речь о сфере политико-юридического дискурса.

Таким образом, сквозь призму идей синергетики перед эпистемологами появляется – пока еще только эскизно – существенно обновлённый образ науки. В динамическом аспекте – это история интеллектуальных изменений, траектория которых не поддается априорному определению. В соответствующих критических точках своей трансформации интеллект попадает в сферу действия определенных областей притяжения (аттракторов). Здесь и происходит явление снижения энтропийного хаоса и возникновения новых когнитивных, коммуникативных и институциональных структур. Флуктуации, несоответствие знания и познавательной активности существующим нормативным процедурам не считается явлением недопустимым. П. Фейерабенд хорошо это продемонстрировал. Однако его толкование сути дела в анархистском духе не следует считать достаточно адекватным. Учитывая отмеченные когерентные процессы в исследовательской деятельности, по-другому должны быть описаны как факторы отбора между конкурирующими теориями, так и взаимодействие научного и вненаучного знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Визгин В. П. Мишель Фуко – теоретик цивилизации знания // Вопросы философии. – 1995. – № 4. – С. 116–126.
2. Лекторский В. А. Когнитивная наука как вызов эпистемологии // Эпистемология: новые горизонты: материалы конференции 24-25 июня 2010 г. Москва / Институт философии РАН. – М.: «Канон» РООИ «Реабилитация», 2011. – С. 5–34.
3. Налимов В. В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. – М.: Прометей, 1989. – 287 с.
4. Нугаев Р.М. Смена базисных парадигм: концепция коммуникативной рациональности // Вопросы философии. – 2001. – № 1. – С. 114–122.
5. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
6. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: «Ad Marginem», 1999. – 480 с.

РЕЗЮМЕ

М. М. Ведмедєв. Спонтанність пізнання і синергетика

У статті подано досвід застосування концептуального апарату синергетики до осмислення проблем епістемології. На цій основі здійснена нова інтерпретація деяких подій в історії науки. Дається критика спроб «подолання» теорії пізнання і відмови від аналізу її проблем. Проведено зіставлення дослідницьких можливостей синергетики й інших способів опису.

Ключові слова: *пізнання, некласична епістемологія, спонтанність, синергетика, когнітивний аттрактор.*

SUMMARY

M. M. Vedmedev. Spontaneity of cognition and synergetics.

The article focuses on the experience of application of conceptual vehicle of synergetics to comprehend problems of epistemology. On this basis new interpretation of some events in history of science is undertaken. Criticism of attempts of «overcoming» of theory of cognition and refusal of analysis of its problems is given. Comparison of research possibilities of synergetics and another approaches of description is conducted.

Key words: *cognition, nonclassical epistemology, spontaneity, synergetics, cognitive attractor.*